

Р2
КМ С 17

Альбина Салусевич

ПОД МУЗЫКУ ДОЖДЯ

Альбина Самусевич

ПОД МУЗЫКУ
ДОЖДЯ

С т и х и

Калининградская
ДБС

Читальный зал

Калининград, 1995

84Р6-5

С 17

Самусевич А. Г.

- С 17 Под музыку дождя: Стихи / Ред. Э. Круглова; Худож. В. Рябинин. — Калининград: Б. и., 1995. — 74 с.: ил.
Прил. к журн. «Запад России». —
Цена договорная.

84Р6-5

«Под музыку дождя» — четвертая книга стихотворений калининградской поэтессы, члена Союза писателей Альбины Самусевич. Круг тем и мотивов ее поэзии включает «всю гамму тьмы и света и все оттенки зла...» сегодняшнего бытия, преломленного через призму Времени. Но стихи ее добры и целомудренны, наполнены музыкой цветущего сада и едва уловимым пением «хрупкой маленькой ракушки», а мелодия дождя сливается с биением человеческого сердца, любящего и страдающего.

С 17

8436-5

- © Самусевич А. Г. «Под музыку дождя», 1995.
© Приложение к журналу «Запад России», 1995.
© КИПО, 1995.

ISBN 5-87869-004-7

ПРОЛОГ

ПОД МУЗЫКУ ДОЖДЯ —
давай станцуем танго.

ПОД МУЗЫКУ ДОЖДЯ —
давай зажжем свечу...

ПОД МУЗЫКУ ДОЖДЯ —
соединит нас тайна.

ПОД МУЗЫКУ ДОЖДЯ —
тесней прильну к плечу.

ПОД МУЗЫКУ ДОЖДЯ —
сольемся в чистом звуке.

ПОД МУЗЫКУ ДОЖДЯ —
застынем на ветру...

ПОД МУЗЫКУ ДОЖДЯ —
в предчувствии разлуки,

ПОД МУЗЫКУ ДОЖДЯ —
растает поутру...

Ладоною море зачерпну

* * *

Ладонью море зачерпну —
сквозь пальцы просочится влага.
Я день ненастный зачеркну
для общего, быть может, блага.

Я вспомню лето, дождь и слякоть,
волной изъеденный песок...
и облака, умеющие плакать,
плывущие куда-то на Восток.

Перечеркну я морось и ненастье
и вычту этот день из суммы лет.
Узнаю позже: был он каплей счастья
в преддверии грядущих зол и бед.

* * *

Брожу одна с собой в разладе,
под зонтиком средь дюн, у моря...
Дождь моросит, с утра заладил,
напрасно жду тебя у мола.
Отброшу зонт и вымокну до нитки,
в небесном искупаюсь водопаде,
и в образе крылатой Н и к и —
успеешь ты запечатлеть меня во взгляде.

Куршская коса

Исчезли следы и куршей и пруссов,
пришлый народ в Рыбачьем...
Поют по-литовски, судачат по-русски,
понятны: «спасибо» и «аче»*

Витают судов затонувших души,
соединяя два берега.
Как рукопожатье — кусочек суши,
да святится имя твое,
Н е р и н г а!

* Спасибо (с литовск.).

Штиль

Л. Степановой

Застыли неподвижно облака,
морская гладь затихла
на мгновенье...
Лишь крылья чайки
выдают волнение,
напоминают: движутся века!
Знак ж и з н и в кадре —
легкое крыло
изогнуто над бездной,
над закатом.
Бывает на душе так тихо
и светло...
Но шторм готовится к прыжку
за кадром!

* * *

Нашла я камушек морской, точь-в-точь —
перепелиное яичко...

Хотела я ему помочь:

согреть в ладошке по привычке.

Зачем, сама не знала,
я голыша стремилась приручить,
и от волны высокой защитить,
что на пути его вставала...

Крутой волне подставив бок,
он снова выпал из гнезда.

Слепой окатыш, колобок —
катился сам, не ведая куда.

Стараясь сохранить свободу,

остался верен он себе,

скользнув с ладошки теплой

в воду,

зародыши миров скрывая в скорлупе.

* * *

Я восславлю утро,
словам вослед,
стану я премудрой —
окунусь в рассвет.

Выйду из купели —
синий полдень тих.
Чтобы камни пели —
разбужу я их!

Дальних предков голос
сквозь века услышу,
и знакомый говор
станет сердцу ближе.

Обнимусь с веками,
повинуясь зову...
Подниму я камень —
обернется с л о в о м.

* * *

Ты вновь уходишь в океан,
на свет звезды, д о р о г о й
ч а е к...

Все повторяется сначала:
причал, корабль, скитальца сан.
Увидев Землю с корабля,
ты мне махнешь перед отплытием,
и дней отсчет начнешь с нуля,
уверовав в открытие,
что лишь тебе дано соединить
зеленый лист с цветком медузы.
Большая честь — в моря ходить
во имя этого союза.
Мне не расслышать слов твоих,
кричу тебе я: — До свиданья!
Вся жизнь — один счастливый миг
от первой встречи до прощанья.

* * *

Мне имя твое пестовать,
пока уста не устанут...
Мне без тебя бедствовать
на земле, как во вражьем стане.

Четки дней по ночам отсчитывать
в древнем Храме разлуки.
Твои письма до дыр зачитывать,
слыша голос твой в каждом звуке.

Тебя из плена выманывать,
став заложницей города...
У моря встречу вымаливать,
перед ним лишь склоняя голову.

Сходящему на берег

Соната м о р я не для скрипок,
для органа!

Не каждому сыграть ее дано...
Почувствовать дыханье океана
способно сердце любящее, но
не торопитесь с корабля на бал,
в порядок приведите снасти,
пока Вас не накрыл девятый вал
земной, неутолимой страсти...
Дослушайте сонату до конца,
очистите от сора душу,
и лишь потом, ступив на сушу,
пройдите путь: от трапа
до крыльца.

И не ищите второпях букета,
т р и д р е в н и х с л о в а —
лучше не сыскать!

Для той, которая умеет ждать,
лучась, как астра на исходе лета.

* * *

Мне парусник в который раз уж снится,
что значит он в судьбе моей...
Томов фантастики милей
мне Д а л я ветхие страницы.

На океанской глади словарей
люблю отыскивать с л о в а.
Им нелегко срываться с якорей,
ветрило века ощутив едва.

Любуюсь иноходью лет
под парусом словечка-мокроступа.
Ценю значенья малых лепт,
входя в р о д н у ю р е ч ь
без стука...

* * *

Я наблюдаю суету песчинок:
они со мной играют в прятки,
или усядутся вдруг чинно
на край моей тетрадки...
Их позовет волна-наседка
под крылышко на дно морское.
Видать, от Бога дар их редкий —
не знать покоя...
Из века в век перетекать
и прилипать к моим подошвам.
Играя, время засекают,
предвидя будущее в прошлом.
Кудахчет надо мной волна,
свой гребешок нахохлив...
Так воскрешает письмена
живая закорючка —
и е р о г л и ф.

Весенняя фантазия

Нерабочий день субботний,
возвращенье корабля,
поцелуй на шатких сходнях,
море, сосны, ты и я.

Свист, сюсюканье и трели —
объяснения в любви.
Средь черемух дремлют ели,
будто храмы на крови.

Песнь моя звучит за сценой:
на подмостках — короли!
Провожая в путь я пеньем
на край света корабли.

Пробуждаю песней детство
и пою про сто дорог.
Вижу я на сцене — действо,
в главной роли — осьминог.

Он мою не слышит песню,
у него своя стезя...
Обо мне узнает если,
вымолвит по-царски: — Лъзя.

И советницей назначит,
и зачислит в реквизит.
Но душа моя заплачет
и в прощении сбежит.

90814-2

Калининградская
ЦБС

Центральная городская
библиотека им. А. П. Чехова

Читальный зал

От молочных сладких речек
и кисельных берегов...
Мне ее утешить нечем:
с ч а с т ь е — пара пустяков!

В хрупкой, маленькой ракушке
скрыта тайна бытия.
Песнь в два слова — у кукушки,
и без слов — у соловья.

ДОМИК РЫБАКА

В Куршском заливе разыгралась трагедия, какой еще не было на памяти калининградцев. Несколько льдин с рыбаками оказались оторванными от берега. Очень многих не удалось спасти. Их ищут и сегодня...

(Из газеты «Калининградская правда»
от 18 марта 1994 г.).

1

К заливу жметя Домик рыбака,
с окном-проталинкой на юг...
Мой весь улов — одна строка,
рыбешкой выпала из рук.
Не сваришь из нее уши,
но утолишь духовный голод.
Одна строка, длиною в горе,
так начинаются стихи.
Так вырастают крылья за плечами
и страха нет, хоть к черту на рога!
Мой весь улов — одна строка:
«У т о л и м о я п е ч а л и»

2

Сходит снег, обнажая тропинки,
со следами ушедшего лета...
Впечатаны смех и слезинки
в пространство замерзшего следа.
Оттаяло слово, движенье руки
и горестный блик улыбки.
Сходит с в е т,
как Евангелие от Луки,
отпуская грехи и прощая ошибки.
Обнажая причины трагедий:
их следствие, боль и утрату...
Крик чаек подобен набату:
маячит к о р а б л ь на рейде.

Стоит он на призрачной льдине,
 два месяца гладь бороздит.
 Брошен в жерло за день тот единый,
 за тех, кого Бог, да простит.
 Всплывают: то там, то тут
 рыбаков затонувших тела...
 В палисадах сирень отцвела,
 а их — надеясь на чудо, ждут!
 Растаяла льдина, но рана
 болит, не спешит заживать.
 Тонет корабль без капитана,
 об этом нельзя забывать!
 Помянем мертвых, выпьем за них,
 Бог забирает лучших.
 Неслучаен — несчастный случай,
 три автобуса* снова возят живых.
 Да услышит имеющий уши
 сегодня и завтра, и через год —
 тихий стон из скорбящих вод:
 «Тонут не в море — на суше...»

Отец и сын на крошечном обломке,
 крошится под ногами лед...
 К ним лодка, кажется, плывет.
 Уж слышен разговор негромкий,
 и в лодке — негде яблоку упасть.
 Но крик отца: — Спасите сына! —
 услышан был. И смог отец к его груди
 припасть
 в последний раз, в колючей стыни...
 На недописанной картине
 забрезжил свет луны средь туч —
 и вмиг погас.
 Отец один теперь на льдине,
 не прячет слез: он сына спас!
 Его увидел утром вертолет.
 (Прибило льдину к плавням).
 Он больше не кричал, не плакал —
 птенца отправил он в полет.

* Три автобуса с рыбаками от завода «Янтарь».

Напрасны все мои усилья:
 друг ищет истину в вине...
 Он опалил в полете крылья,
 еще мальчишкой на войне,
 когда бежал из-под Варшавы
 босым, голодным по стерне...
 Дома горели, люди, травы —
 все наяву и сотни раз во сне.
 Рисует время акварели:
 то лес, то поле,
 то морской пейзаж —
 и две судьбы, две параллели...
 Мы сдали их в один багаж,
 и кочевали с ним по свету.
 Сушили ягоды, грибы,
 ломая линии с у д ь б ы,
 пуская нажитое все по ветру...
 Мы оказались вдруг на льдине
 в один из мартовских
 весенних дней.

Друг друга любим мы сильнее,
 когда в запасе — час,
 иль день — единый!
 «В запасе — жизнь», — почудился
 мне голос.

Так значит снова спасена...
 Одна строка, длиною в горе —
 «замена счастью — она».

12

Друг друга волны догоняют,
 смеясь и в то же время — плача.
 Боль своя и боль чужая переплелись,
 а как иначе?

Вся жизнь один большой вопрос:
 кто даст совет, что делать?

На фотоснимке шесть на девять —
 не видно слез...

Забыла беды я на миг,
 смотрю из зазеркалья.

А может — это мой двойник?

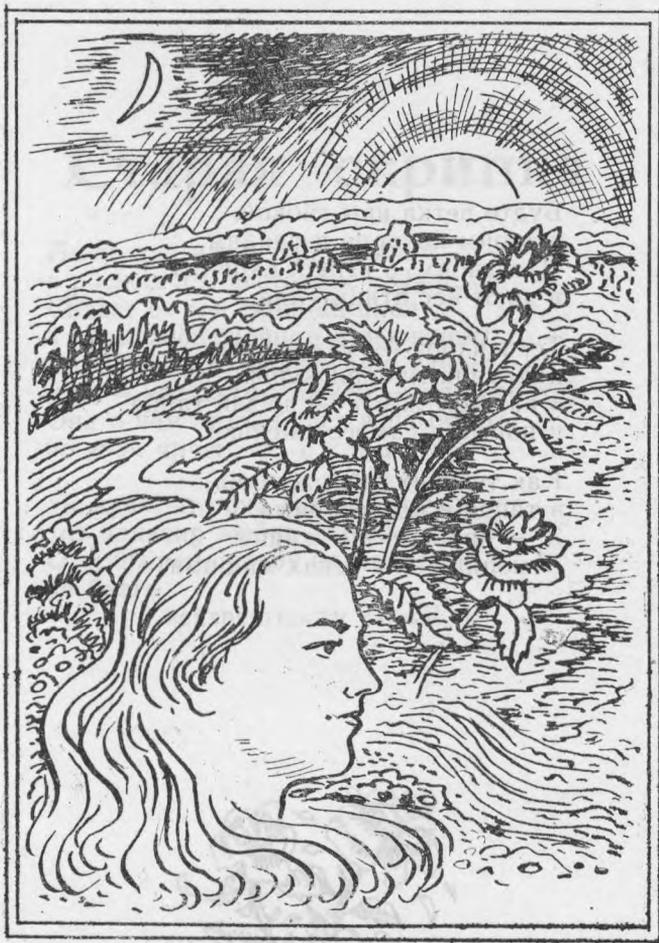
На обороте подпись: А л я,
 а выше чуть — на память маме.

Хотела ей послать вчера,
еще свежи следы пера,
светает... День не за горами.
Иду я к морю за словами,
соловей не мне ли свищет?
Говорила в детстве мама:
«Будет день, и — будет пища».

Эпилог

Мой светлый домик рыбака,
мой томик незаконченных стихов.
Останется ли хоть одна строка,
распахнутая для веков?
Гостеприимный дом у дюн,
с открытою душой и дверью.
Располагает все к доверью
и написанью звонких рун.
Встаю в полпятого, когда
еще все спят...
В костре вчерашнем угли ворошу,
затем к заливу выхожу,
где сосны кронами шумят.
Я их воспела бы в миноре,
но мне в затылок дышит море,
как сто, иль двести лет назад —
и мой теплеет взгляд,
и я сажусь решать задачи,
перебираю алфавит...
Любое слово много значит,
но не в любом — душа болит.
Тогда на лист бумаги чистой
я собираю числа.
Решения задач не сходятся с ответом:
мне т р и а в т о б у с а
покою не дают...
И тени рыбаков, которых ждут, —
становятся р а с с в е т о м.
Их скорбный стон все глуше, глуше:
«Спасите наши души!»

9.06.1994 г., п. Лесное,
турбаза «Дом рыбакова»

Женщина в веках не умирает

* * *

Будто ветка ивы гибкой,
я твоим покорна взглядам.
Для двоих — играет скрипка,
и поют все птицы сада...

Терпсихора — муза танца,
подарила мне движенья:
в каждом жесте — жизни тайна
и порыв к самосожжению!

Как текучих дней живица,
в танце я неповторима.
Я — раба, но я и жрица.
Женщина — в веках мне имя.

У колодца

Белый камень* на дно колодца
не мою брошен рукой...
Тихий звон через край
 прольется
эхом музыки неземной!
В жаркий полдень
 нет слаще водицы,
опьянит посильнее вина!
В свете дня оживут небылицы,
потекут в беспредел
 времена.
Летней радуги коромысло
я смогу на плечо подхватить!
Не кори меня за легкомыслие,
воду чистую
 не замутить...

* На дно колодца бросают камень, чтобы ведро не касалось дна.

Принцесса

Кате Пяловой

1

Март. На исходе зима...
А снег и не думает таять.
И Катя упрямо твердит: «Я сама».
Рождение личности — тайна.
Двухлетнему сверстнику «строит глазки»,
лукаво головку свою наклоня.
Ей нравится маленький Принц из сказки,
она забавнее день ото дня.
Любая работа ей по плечу —
то пол подметет, то моет посуду.
О чашках разбитых я умолчу!
собственный опыт подобен чуду!
Качает куклу Машу в коляске,
с судьбой — с колыбели повенчана.
Ах, сколько добра в ней, и сколько ласки!
С добра начинается ж е н щ и н а.
Вторая в е с н а ее на пороге,
тепличных тюльпанов букет...
Здравствуй, девочка-недотрога,
в тебе — моей жизни свет.

2

«Катя — Катя — Катерина,
нарисована картина...» —
всем малышка говорит,
время чуда творит.
Целый день она лепечет,
колокольчиком звенит.
Из затейливых словечек
небылицу сочинит.

Смастерит кораблик папе.
(Катя папу с моря ждет.)
Заплетет косичку Барби,
маме песенку сплет.

Я на мир ее глазами —
вот уж третий год смотрю.
«Самолет построим сами...» —
вместе с ней я говорю.

Научу ее летать!
(Пригодится ли подарок?)
Не пора ли про И к а р а
ей сегодня рассказать?

1993 — 1994 гг.

* * *

У женщины нет возраста, когда
она увлечена любимым делом,
и незаметно страсти демон
забвению предаёт её года.

У женщины нет возраста в любви,
её улыбка соткана из света.
В любой свой час — она всегда Джульетта,
ты только оглянись и позови.

У женщины нет возраста в веках,
когда её боготворит мужчина,
забыв, что следствие, а что — причина,
её он просто носит на руках

и величает Беатриче иль Татьяна...
Вы спросите: — Ей сколько лет?
У женщины нет возраста — вот тайна,
но знает внучка бабушкин секрет.

Я и Ты

Ты — мудрая вечность.
Я — ветренный миг.
Ты — сказочный вечер.
Я — утренний миф...
Я — майская ветка.
Ты — осени сад.
Я — чуткое веко.
Ты — любящий взгляд!
В веках я — рабыня,
целую твой след...
Ты — звонкое имя.
Я — имени свет.

* * *

Неба колокол гудит,
обнажая звука суть...
Светел почью Млечный путь,
тройка по небу летит!

Колокольчик под дугой,
колокольчик на лугу...
Слышен звон луговой
на небесном берегу.

В мастерской художника

1

Не искушенная в искусстве
моя душа блуждала среди картин.
Пока ее застенчиво и грустно
не вывел к свету

холст один...

На нем всего-то и была

д о р о г а,

вместившая весь мир — одна!

Прозрачной лужицы

светилось око —

и с глаз моих

упала пелена.

2

Угол ветхого, старого дома
кажется мне знакомым...

Фонарь, будто сторож, у окон,
жметя к свету пес одинокий.

На пороге — нетронутый снег
прячет маминих валенок след.

Цветы с картины Игоря Чередникова

Прекраснее не помню я мгновенья:
цветы благоухали на холсте...
И кровь моя быстрее текла по венам
и очищалась, прикасаясь к красоте.

В прозрачной вазе колыхались стебли,
и влага устремлялась к лепесткам,
которые от времени не блекли,
к небесным увлекая берегам...

Таких цветов я отродясь не знала,
не видывала ни во сне, ни наяву.
Я их душой незрячей осязала,
не доверяя зрению своему.

Дамлама*

Забываем мы порой —
танцевать учись от печки.
Д а м л а м а — любви пароль,
знает каждая узбечка.

Мясо пряное в соку,
тает в соусе капуста...
Посвящаю я строку
кулинарному искусству.

Что за чудо — дамлама,
вмиг затмила все закуски.
У меня вопросов тьма,
задаю я их по-русски.

В чем секрет узбекской кухни,
где растет джамбул-трава?
На каком базаре куплен —
тайный к л ю ч и к волшебства?

* Дамлама — узбекское национальное блюдо

* * *

Мне кажется, что поезд мой ушел,
и я напрасно тороплюсь с поклажей.
Полощет ветер платья шелк,
но я не замечаю даже...

Успеть бы только на перрон,
избавиться от тяжелой ноши.
Какое счастье — сесть в вагон
сейчас, и ни минутой позже.

От жизни суетной устав,
не замечаю я отъезда...
Гудок! И — двинулся состав.
Ура, мое с в о б о д н о место.

М а й

в Константинове

К 100-летию со дня рождения
Сергея Есенина

1

Воскрешая минувшее, травы звенят,
светит Русь в одуванчике каждом.
Озорно окликает меня
сад-подросток у домика Кашиной.
Берег Оки холмист и высок...
Вся в прошлом — церквушка старая,
а через дорогу, наискосок —
«низкий дом с голубыми ставнями».
Петухи на подворьях поют,
тихий свет от берез струится.
Понимаю — в родимом краю
куст любой

для стихов годится!

2

Вот и свиделись,
вот и встретились
не во сне — наяву...
Половик домотканый стелется
в небо, в майскую синеву.
Свет-береза горит лампадкой,
в сад калитка настезь
для всех!
Трость качнулась
к перчатке лайковой,
расступилась деревьев сень...
По космической стежке,
расправив плечи,

шел с поэтом двадцатый век,
и звучало на разных наречьях:
«Как прекрасна Земля
и на ней человек».

3

Брат родной полноводной Оки,
и Рязани — любимый сын.
Русь рассветная в ситце строки —
лучшая из картин!
Охраняют музей — поля,
обрамляют картину — рощи,
и дороги, веками пыля,
ее светлую суть не порочат.

Первое лето

Внуку Боре

За коляской, будто мячик,
годовалый ходит мальчик...
Мальчик-с-пальчик, Божья искра,
а зовут его Б о р и с к а.

По душе находит дело,
независимый и смелый,
правит он страну Детства,
обходя ее пределы.

Разрисован лист в тетрадке,
плачет порванная книжка.
Сладко спит в своей кроватке
Бобка, Боренька, мальчишка.

Спит, когда ему захочется,
внук — дитя любви и света!
Ясных дней моих, Высочество,
с днем рожденья, с первым летом!

ВРЕМЕНА ГОДА

ЯНВАРЬ

Во тьме быть зрячей — жизни кредо.
Так видит в лоне матери дитя...
Вхожу на ощупь в суть предмета,
как входят в тему бытия.

Рассвет зимой подобен ночи,
но знаю я, «печаль моя светла».
Фонарь над головой взлетел, как кочет,
и свет коснулся моего чела.

Из тьмы кромешной прорастает день,
сливаюсь с ним, предвидя лето.
Зазеленел судьбы моей плетень,
пошли, январь, мне испытанье светом!

ФЕВРАЛЬ

Даль Зимы беспредельно-чиста,
в белом инее дремлют деревья.
Проступают на белых холстах
мои города и деревни...

Скрыты снегом: вчерашний мусор,
старый грех и случайный позор.
И звучит нездешняя музыка
над зеркальной гладью озер!

Я в восторге от «белого зала»,
белизна ослепила на миг:
будто жизни моей черновик
вьюга начисто переписала.

МАРТ

Зазвенели капли
по панели: — Динь-дон...
Птичий хор «а капелла»
разбудил старый дом.
Улыбнулся прохожий —
март в сугроб угодил,
белый снег осторожно
в бирюзу превратил.
Умирая от жажды,
прокатился по льду,
и кораблик бумажный
смастерил на ходу...
Чтоб по лужам весенним
смело топал малыш!
Не подвластны забвению:
детство, двор,
 песня крыш...

АПРЕЛЬ

Я каждый год больна апрелем,
томится ожиданием дух...
Всю зиму длится мой недуг
до первой соловьиной трели.
В ночной сорочке, будто в рясе,
перед свечой шепчу я стих.
Я прозреваю в одночасье
среди черемух луговых.
Освобождаюсь от томленья,
приемлю солнце, слякоть, дождь!
Вся хворь моя ушла в растенья,
в растерянность, в бессонниц дрожь.
Я исцеляюсь светом с л о в а,
скрывать мне это не резон...
Я обрела покой и сон —
до новых мук, до вдохновенней
 новых!

М А Й

Спит Земля под знаком
ц в е т к а ,
майская ночь — коротка!
Белым по синему вышито
время цветения вишен...
Бессонницей смята подушка,
года мне считает кукушка...
Пчел перезвон...
Лепестковая звень.
Длинный весенний день!

И Ю Н Ъ

Музе Дьяконовой

Ты родилась в июне лиственном,
вобрав в себя истоки лета,
цветенье лип и ландышевый лепет,
чтобы взойти судьбой единственной.
Запечатлеть мечты Господни
в одном, неповторимом лике!
Свет жизней малых и великих
продлить в желанное
с е г о д н я !
Бесценны дружеские узы,
и душ родство, и вдохновенье...
Среди сестер достойнейшая — М у з а ,
позволь тебя поздравить
с днем рожденья.
Зажги в честь юбилея — свечи,
моложе нам не стать с годами.
Пусть будет памятен сей вечер
стихами о Прекрасной Даме.

И Ю Л Ъ

Был июль... И солнце нещадно палило.
Трава пожелтела и вишня поспела
до срока.
Ослепшее лето глаза мне открыло
и зародило сомненье,
что вызревало из завязи слога...

Плод притягивал взгляд,
 вызывая желанье отведать
терпкую мякоть с кислинкой!
Сотни вопросов задать —
 и ни на один не ответить,
и устыдиться себя,
 за урожаем пришедшей
 с корзинкой...

АВГУСТ

Август-свет, мой собеседник,
я в садах твоих прозрею!
Напишу свой стих последний,
парусом взметну на рею...
В глубь бессонниц прорастаю
в ожидании рассвета.
Птицу счастья окликаю —
ни ответа, ни привета.
Мне не надо громкой славы,
мне не надо ложной лести.
Дайте сладкой мне отравы —
нежности нательный крестик.

СЕНТЯБРЬ

Согнулась яблоня под тяжестью плодов,
ей не забыть безумье майской ночи!
Но кто услышит вопль голодных ртов,
но кто разделит бремя сладкой ноши?
На донышке души — любви бальзам
хранит ее и в холод, и в ненастье...
Скатилось яблоко медовое к ногам,
вернув забытый запах счастья.

ОКТАБРЬ

«Октябрь уж наступил...» — припомню,
и станет в комнате светлей.
Заглянет кто-то из друзей,
обрадуюсь его приходу...
«Октябрь уж наступил», — припомню.

Люблю друзей разноголосье,
беседы дружеской родник.
Она несхожих нас — роднит,
как летний ветерок — колосья...
Люблю друзей разноголосье.

Костер невидимый пылает,
в глазах лишь отблески костра.
К нам ночь осенняя добра,
мой друг тихонько напевает...
Костер невидимый пылает.

Я провожаю друга: — Здравствуй!
С друзьями я не расстанусь,
«друзья, прекрасен наш союз!»
Дни бытия над ним не властны.
Я провожаю друга: — Здравствуй!

НОЯБРЬ

День укорочен мудро,
длиннее ночи след.
Все холоднее утро,
все жарче листьев цвет.
Расход тепла и света
учесть я не берусь.
Мне ближе арифметики
дерев увядших грусть.
В осенней перекличке
близка мне песнь рябины,
и за собою кличет
вновь журавлиный клин.

ДЕКАБРЬ

От новорожденного снега
так сладко пахнет молоком...
Вдруг нестраченная нежность
проснется в женщине тайком.
И станет мать добрее к сыну,
заметив над губой пушок.
И разогнет старушка спину,
увидев за окном — снежок...
И поспешит быстрее одеться,
возьмет у жизни час взаимы,
дитя понянчить у Зимы...
Имеет счастье привкус детства.

* * *

Живу я в мире точных чисел,
и верю в л и н и ю с у д ь б ы.
В разладе с сердцем разум чистый:
ни дня без суетной борьбы.
Спешу я в мир добра и зла,
в пространство тьмы,
теней и света.

Соблазнам жизни несть числа,
они сжигают плоть бесследно.
Но есть судьба высоких чувств,
их должно переплавить
в С л о в о!

В плавильне понимать учусь,
как отделить породу
от половы.

* * *

«Я с детства не любил овал,
я с детства угол рисовал».
П. Коган

Виню в непостоянстве друга
и осуждаю: не по правилам живет...
Меняет жен, не в меру пьет,
короче, сходит парень с круга.
Совсем отбился он от рук,
найдя усладу в странствиях и
пьянстве...

Но кем очерчен ж и з н и к р у г,
в какой эпохе и в каком
пространстве?

Что знаю я о Белом Свете?
Любви единственной все выше долг:
работа, дом, семья и дети...
Семья, работа, дети, дом!
Мой друг живет незримо, невесомо,
как придорожная трава,
на жизнь имея все права,
не заняв семьи

и не построив дома.

Уверен он, что миром правят черти!
Твердит, что круг любой — тюрьма,
что благостнее света — тьма,
и знак судьбы своей
вне круга чертит.

* * *

Девиз веков: любите ближнего,
лечите язвы и коросту...
Глоток воды в пустыне выжженной
отдайте вору и прохвосту.

Правдивы заповеди книжные,
но учит правде — жизнь земная,
что зелен плод, заране зная,
набив оскомину, любите ближнего.

* * *

Муж ушел навсегда к другой,
тема, право же, не нова...
Как вернуть подруге покой,
где найти утешенья слова?

Осталась, как перст, одна:
все ищет причину ухода,
ей трудно понять, что весна
расцвела «незнакомке» в угоду.

Как струны, натянуты нервы,
сгорела душа дотла...
Поняла: уходить нужно первой!
Но первой уйти не смогла,

И дверь запереть не сумела,
глядела вослед из окна:
в душе ее — искорка тлела,
горела, не гасла она...

И он оглянулся, увидев свет
в высоком ее окне...
Лишь дверь проскрипела в ответ:
«В потемках — мы зрячи вдвойне».

Необычная просьба накануне нового 1995 года

«Поэзии высокой нам не надо!
Прочтите что-нибудь попроще,
посмешней под Новый год:

придумайте историйку, иль анекдот
про Анку-пулеметчицу, иль — партократа...»
Так говорил мой юный друг занятно,
смотрел в глаза и хлопал по плечу.

Мне с с о ц з а к а з о м было все понятно,
и было ясно мне — чего хочу!

«Когда б вы знали, из какого сора
растут стихи, не ведая стыда,
как желтый одуванчик у забора,
как лопухи и лебеда».

Перечить юности не смела,
пыталась вспомнить притчу про грузина на осле,
а вслух прочла: «Мело, мело по всей земле,
во все пределы. Свеча горела на столе.

Свеча горела...»

Внимала я послушно всем советам:
что мне одеть и что прочесть под Новый год!
Я примеряла время, задом наперед,
и улыбалась широко при этом...

И в том не видела беды я,
ведь годы вспять вы повернуть смогли:
«когда мы были молодые

и чушь прекрасную несли!»

Ответ другу

Сэму Симкину

С полуслова, с полувзгляда —
дней летящих тонкий срез:
«Нам стоять п о ч т и что рядом,
ты на «С» и я на «С»...»*

В этом маленьком «почти» —
изначальность расставанья,
вся огромность расстоянья:
ни проехать, ни пройти.

В этом каверзном «почти» —
проблеск маленькой надежды,
к телу льнувший шелк одежды,
непредсказанность пути.

И хранит нас ангел тайно,
и подслушивает бес,
чтоб не спелись мы случайно,
разрешенья без...

Не солгать ни на иоту
пред иконою небес!
Делать нам одну работу,
каждому — нести свой крест.

* Надпись на книге

Воскресший из пепла

Калининграду — Кенигсбергу посвящается

Город мой на Российскую карту
волей времени занесен...
И сверяем часы мы по Канту,
путь его в наши дни продлен.
Что ищу я в развалинах замков,
в белой стае летящих дней?
В каждом камне прописано «завтра»,
именами павших парней!
Город мой, неприкаянный странник
у скрижалей семи ветров.
Он свободных людей избранник,
он ровесник с е м и в е к о в!
Мы разгладим его морщины,
воскресим из руин Собор.
И забудут о войнах мужчины,
и забудет о плахе топор.
И вернется домой Агнес Мигель,
в старый дом, уцелевший в грозе,
и поведает нам в новой книге
давний сон о Куршской косе.
Будет звездное небо над нами,
под окошком — рябина и клен!
И добро, что копилось веками,
возведем мы, по праву, на трон.

Прусская баллада

1

С тихой грустью туристов встречая,
Анна дочери ищет след,
почитай, сорок с лишним лет,
сладко внуков во сне качая...

К ней с подарками едет Анхен,
потерявшая мать в войну,
Разделяя их боль и вину,
к ним неслышно слетает ангел.

Оплачено кровью доверье —
Анхен в дочки годится ей!
И шумят во дворе — деревья,
уцелевшие в той в о й н е.

2

Был ранен отец под Кенигсбергом,
в сорок пятом, победном году.
Мерил жизнь он по старым меркам,
заслоня собою беду.

«Поле боя» — увижу впервые,
годы вспять потскут, назад...
Я услышу т е х л е т позывные,
жить приехав в Калининград,

в самый западный гарнизон,
(место службы не выбирают).
Память сердца — рана сквозная,
нить связующая времен.

Я живу на прусской земле,
да хранит нас в Отечество вера!
Дочь солдата, жена офицера,
что ищу я в остывшей золе?

Времена судить не берусь я,
мы живем на планете людей.
Стала родиной внуков — Пруссия,
отчим домом моих детей.

Россия

В чужих гнездовьях твои дети
так рады дальнему «ку-ку»...
О, сколько их по всей планете,
на том, на дальнем берегу.

Россия — горлица-кукушка,
покличь птенцов своих домой.
Скажи им ласково на ушко:
— Не вы, а я томлюсь виной.

Россия — ивушка-купава,
пусти бродягу на постой...
Пространство душ — твоя держава,
и самый главный козырь твой!

Ты — весен ширь и даль сквозная,
в резном кокошнике — изба.
Степная, горная, лесная
Россия. Родина. Судьба.

СВОБОДНАЯ ЗОНА

«К последней страшной свободе
склонился уже наш дух...»

Н. С. Гумилев. Канцона третья

1

Свобода — символ пространства от подошв
моих башмаков до линии горизонта, перетекающей
в меня во время прогулок и странствий...

Зона — вычитание части из целого, заклю-
ченное в скобки, или расстояние от А до Б,
или территория от ручья до тропки.

Но как пришвартовать шхуну к гребню морской
волны? (В пене абсурда — крупитца истины видны).

Я, кажется, нашла выход из положения,
препарируя сонет, как форму стихосложения.

Его четырнадцать строк не кажутся нам бременем,
и вовсе не исключают свободных мыслей о времени,
и даже о законах Ньютона...

Вот почему я не против такой любви:

с в о б о д а + з о н а.

2

«Мысль не должна быть четкой...»* — иначе
солятся исток и устье реки, или жизни...

Рыться в золе подобает черту, а человеку —
свойственно сидеть у костра в минуты
светлейшей грусти, тоскуя о потухшем «вчера»,
о неубитой дичи или ускользнувшей рыбке...

Мысль — это цепь привычек, она подобна матери,
качающей зыбку, в которой кричит ребенок
и хочет ей что-то поведать!

Так волосы мои, касаясь гребенок, заслоняют
мысли от бреда.

* Строка из стихотворения Иосифа Бродского.

3

В грамматике п р а в и л а подобны закону иль ГОСТу. Их нужно выучить наизусть, а это — непросто. (Воспоминанья наводят грусть).

Но в каждом правиле есть исключения, к примеру для некой «з г и»! И сколько ни напрягай мозги, все равно не раскроешь тайну поблажки этой персоне, и не найдешь на нее управы. Но вернемся к свободной зоне, ведь она — и с к л ю ч е н ь е и з п р а в и л .

4

К исключениям особый подход и своя необщая мера. Заглянем в 1255 год, изучим Кениг, устройство его и манеры. Пройдем через казни, войны, сраженья, через победы и поражения, сквозь времена его взлетов и запусенья...

Попробуем марципанов и ухи из форели.

Насладимся громом фанфар и пеньем свирели.

Пригубим из чаши познания, вперив в науку взгляд, и вернемся на круги своя —

в К а л и н и н г р а д . Мне безразличны чины и званья, о них я судить не в праве.

Но у каждого времени — свое обаянье, и у всякого блюда — свои приправы.

5

Считаю вспять ступени времен, и оживают

сонеты Петрарки к Лауре. Дни мои текут

Под уклон, худо мне, но — хуже литературе...

Грош цена ей сегодня на рынке: в макулатуру

сдают Владимира Соловьева и Рильке!

Меняют Льва Толстого на Чейза, Хлебникова —

на «Технику секса». Пустуют театры, не слышно

оваций. В моде спектакли без декораций...

Приблизена к зрителю малая сцена: для драки

державной, для драмы семейной.

Время — пастырь, мы его паства, с новой

иллюзией свободного братства!

6

Пишу о «рае с милым в шалаше» ...К жилплощади б

прибавить метры, иль помечтать о собственном

особняке на склоне лет. Но так далек в конце

туннеля свет и дуют с моря ледяные ветры.

Не ведаем, что надобно душе. Судьба-изменница,
прикинувшись красавицей капризной, то оттолкнет,
то — взглядом поманит! Воздам я должное крутому
афоризму: посмотрит — рублем подарит!

7

Падает курс рубля. Как грибы после дождя
цены растут. (Говорят, виноваты энергоносители).
Но соседа не проведешь: во всем он винит «вождя»
и надеется — нового изберут, если выстоит в муках
страна и мы не уйдем в «небожители».
А по мне — каждый себе Президент, колья умеет
трудиться с темна до темна, и книги читает запоем,
будто студент, и совершает полеты во сне...
Пока петух из сарая соседнего дома не возвестит
о наступающем дне, и радио на короткой волне
не напомнит о выставке я н т а р я в фортовой
башне «Дер Дона».

8

Иду по скользкой тропе, ведущей к Верхнему озеру,
ее называют тропею К а п т а...
«В последний момент — открывай козыри», —
учил отец меня, играя в карты. Осталась медаль
его «За взятие Кенигсберга». Почти полвека прошло
с тех пор. Главный козырь — фашизм свергнут, но
ослеп Кафедральный Собор. Уставив пустые глазницы
в века, он верит, пожалуй, в нас!
Над озером луч закатный погас. Заметают
могилу о т ц а снега...

9

Бродят в узких улочках прошлого — т е н и,
причудливы фонарей растенья... В сумерках озябший
голубь разгуливает по карнизу моего окна.
Из-за голых деревьев видна уцелевшая кирха
королевы Луизы. На стенах старых немецких домов,
будто виньетки, следы от снарядов...
Бессмертны страницы гранитных томов,
с номерами дивизий, полков и отрядов, с длинным
списком фамилий, имен... Нам так не хватает их!
Живые и те, кого нет в живых —
в общей связке в р е м е н.

Чтобы реанимировать любовь в браке, нужно оформить развод и тайно встречаться в прежней постели, оживая в ласках любовных...

Чтобы возродить город, пострадавший во всемирной драке, надо, чтобы строители попотели: не год и не два, а десятки лет кровных!

Чтобы спасти плоть от болезни — пьют отвары целебных трав, употребляют мед и лимоны, все, что питательно и полезно...

Чтобы воскресить дух — молитвы творят, слова тайные говорят, песни поют, читают стихи, играют на скрипке или на лютне в собраниях, где многолюдно.

11

С в о б о д н а я з о н а — залетная птаха, и я на нее примеряю рубаху, льняную, старую, всю в заплатках из прописных истин моей бабки, с васильками по вороту и на манжетах...

(О русском стиле пишут в газетах!)

А з о н а рядится в кроссовки и джинсы.

Газеты читая, судит о жизни. Нефть продает, покупает майки! Меняет рубли на дойчмарки.

Нищих не прячет, просит милостыню. В винах импортных — ищет истину. Курит «Мальборо», пьет ликер «Амаретто» и не признает никакого сюжета!

12

«Быть или не быть...» — одно из двух, проснулось самосознание в народе.

«К последней страшной свободе склонился уже наш дух».

В аранжировке толпы мотив звучит незнакомый, напоминающий древние звоны. Но заглушая улицы шум и гомон, солирует голос Свободной зоны. Кричит, надрываясь, младенец в рыбе, будто птенец, выпавший из гнезда...

Плачет в оркестре первая скрипка, слушайте музыку, Г о с п о д а!

Декабрь, 1992 г.

* * *

Вокзал... Суета у кассы.
Волнуется, спорит народ:
маршруты у всех — разные,
единый к проблеме подход.

«Мне место купейное, братцы,
и на постель отдельный талон!»
Никто не желает драться —
за место в о б щ и й вагон.

Я не против дорожного сервиса,
я не против машин и дач...
Только ноет все чаще сердце
от наших отдельных удач,

от наших порожних рейсов,
от наших дачных забот...
Эпоха на стыке рельсовом,
кто стрелку переведет?

* * *

«Вчера в Москве сгорел ресторан
«Славянский базар»...
(Из телепрограммы «Вести», 1993 г.).

— Сгорел «Славянский базар», —
ты слышишь ли, дядя Г и л я й?*

— Тем слухам не верь, — он сказал, —
«до журавлей»** веселись и гуляй!

Стол на двоих. В полумраке зал,
как островок в океане...
Сгорел «Славянский базар»,
но живы — воспоминанья!

Случайной встречи — бальзам
испить мы до дна не сумели.
Сгорел «Славянский базар» —
но мы ведь раньше сгорели...

Мы все — погорельцы и нищие,
Москва не верит слезам.
Чернеет души п е п е л и щ е,
сгорел «Славянский базар».

* В. А. Гиляровский, автор книги «Москва и москвичи», 1934 г.

** Запечатанный хрустальный графин, разрисованный золотыми журавлями, с превосходным коньяком, дарился на память последнему посетителю.

Перед утром

Распахнуты снов тайники...
Все сложное очень просто:
летят на свет мотыльки,
и падают в травы — звезды.

Крылатой души помин,
мы все друг от друга зависим.
Мерцает з в е з д н ы й камин,
как строчки предсмертных писем.

Тени и мы

1

В тени ночи рождался новый день...
Молодая женщина улыбалась дню, но
вдруг она невольно потупила очи —
ее лица коснулась птицы летящей тень
и стерла воспоминаний след,
и погасила улыбку...
— Ведь кто-то должен гасить свет, —
подумала женщина и превратилась
в улитку.

2

Все уменьшалась тень горящей свечи,
и все трепетней становилось ее пламя.
Вот уже смерть обнажила мечи: перед
кончиной обостряется память...
Тает тень надежды, как сахар в микстуре, —
закат жизни в миниатюре.
«Светя другим — сгораю» — и все же
этот путь выбираю.

3

Спозаранок крадутся тени за нами,
повторяя движения наши точь-в-точь.
Весь день они путаются под ногами,
и незаметно подкрадывается ночь,
опутывая нас тенями со всех сторон
и обретая права гражданства...
А мы погружаемся в сон,
заполняя пустоты пространства.

4

От тени дома, похожего на большой
муравейник, веяло сыростью, мраком
и вчерашней музыкой. А дворник взял
веник и пытался вымести из потайных
уголков сырость, мрак и мелкий мусор.

Но ему это не удавалось. Поэтому все обитатели двора: мамы с колясками, бабушки с вязаньем, ленивые кошки и лохматые дворняги, и даже владелец дога — перебрались на солнечную сторону дома, где дети играли с мячом...

А умное Солнце повело лишь плечом задорно и сделало то, что не сумел сделать дворник...

5

Тень любви твоей однажды догнала меня в толпе (я так благодарна тебе!) и с моей слилась тенью на одно лишь мгновенье, но мы не узнали друг друга... И стрела, выпущенная из лука Амуром, пролетела мимо, и я не знаю твое имя. Помню, земля подо мной качнулась, но тень любви твоей не оглянулась: это было во сне, не наяву... А я все смотрю тот сон и, как во сне, живу!

В. В.

* * *
Эта женщина — явление,
друга верного — зазноба,
с неизвестным уравненьем,
и решить его не пробуй!

Все ответы будут ложны,
все прозренья будут слепы.
Не родился тот художник,
кто ее подобье слепит.

С угловатостью Лолиты,
но с осанкою Венеры!
На пиру и у корыта —
хороши ее манеры...

Нрав веселый, взгляд лучистый,
(на нее гляжу украдкой).
Эта женщина — загадка!
Рядом с ней светло и чисто.

Поверх границ

Есть час вне времени, когда слова
из глубины души прольются,
и в круг один — друзья сойдутся,
и пустошь дней заполнит трава...

И будет сладок чай, заваренный на травах,
и мы разрушим все барьеры меж людей,
и будем мы в самоуправстве — правы
той правотой не знающих границ дождей!

Той немотой летящих в небе птиц,
несущих Африки тепло на север,
над Вислой пролетая и над Сеной,
не признавая никаких границ.

Не признавая войн из-за клочка земли,
оставив дом в речной осоке...
Летят над нами птичьи корабли,
о, нам бы их полет высокий!

Есть час души, когда прозревшие слова
становятся на миг подобны птицам.
Из уст в уста летит молва,
пересекая все границы...

Молитва

Ст. Покровскому

Все сущее спаси и сохрани:
страницы древних книг и замков стены.
Поводыри в веках — они,
хранят незримый свет их тени.

Спаси и сохрани росток безумной веры,
что красоту Земли сумеем мы сберечь.
О, дай нам Бог святое чувство меры,
и сохрани живую нашу речь.

Спаси и сохрани живую душу слова
в фамилиях друзей и в именах цветов.
Тончайшей ткани жизненной — основа,
вспоминанья наших снов.

Остановись, мгновенье, ты — прекрасно!
Доступно нищему и королю...
Спаси и сохрани... — шепчу бессвязно,
Отечество мое у бездны на краю!

Содержание

ПРОЛОГ	3
ЛАДОНЬЮ МОРЕ ЗАЧЕРПНУ	
«Ладонью море зачерпну»	5
«Брожу одна с собой в разладе»	6
Куршская коса	7
Штиль	8
Песня	9
«Нашла я камушек морской»	10
«Я восславлю утро»	11
«Ты вновь уходишь в океан»	12
«Мне имя твое пестовать»	13
Сходящему на берег	14
«Мне парусник в который раз уж снится»	15
«Я наблюдаю суету песчинок»	16
Весенняя фантазия	17
Домик рыбака (поэма)	18
ЖЕНЩИНА — В ВЕКАХ МНЕ ИМЯ	
«Будто ветка ивы гибкой»	26
Старая скрипка	27
У колодца	28
Принцесса	29
«У женщины нет возраста, когда»	31
Я и Ты	32
«Неба колокол гудит»	33
В мастерской художника	34
Цветы с картины Игоря Чередникова	35
	73

Дамлама	36
«Мне кажется, что поезд мой ушел»	37
Май в Константинове	38
«Коротка летняя ночь»	40
Первое лето	41
Времена года (композиция)	42
«Живу я в мире точных чисел»	48
«Виню в непостоянстве друга»	49
«Девиз веков: любите ближнего»	50
Одиночество	51
«Муж ушел навсегда к другой»	52
Необычная просьба накануне 1995 года	53
Ответ другу	54
Причуды времени	55
Воскресший из пепла	56
Прусская баллада	57
Змеиное болото	59
Россия	60
Свободная зона (поэма)	61
«Вокзал... Суета у кассы»	65
«Сгорел «Славянский базар»	66
Перед утром	67
Тени и мы	68
«Эта женщина — явление»	70
Поверх границ	71
Молитва	72

Альбина Григорьевна САМУСЕВИЧ

«ПОД МУЗЫКУ ДОЖДЯ»

СТИХИ

Редактор Э. Круглова.
Художник В. Рябинин.

Приложение к журналу «Запад России»

ISSN 0132 — 8166

г. Калининград,
Советский пр., 21.

4.3000 P

Лицензия № 010125 от 12.11.91.
Сдано в набор 23.03.95. Подписано в печать 10.04.95.
Формат 60x84 1/16. Высокая печать.
Усл. печ. л. 4,65. Физич. печ. л. 5,0. Уч. изд. л. 4,95.
Заказ 10457. Тираж 999 экз. С 6.

Отпечатано Калининградским издательско-полиграфическим объединением
236000, г. Калининград обл., проспект Мира, 5

3000